

1698 г.), в которых задним числом описаны как события, имеющие государственный интерес, так и экзотические редкости. Но дневник Нарышкина отличается и от записок Петра Толстого, несмотря на то что они оба, казалось бы, описывают одно и то же; отличие состоит в описании Нарышкиным итальянских городов, в точности, с какой он наносит на карту расстояния, верстовые столбы, постоянные дворы, дома и сады. Читатель дневника Нарышкина не найдет в нем подборки сведений, полученных в результате сравнения культур: в сущности, он путешествовал для приобщения к культуре, и все новые впечатления были для него одинаково ценны. Это отсутствие четкой иерархии отражено в его отчете о происшедших за день событиях, каждое из которых подробно описано в дневнике, будь это визит ко двору или просто поиск места для ночлега. Как было отмечено выше, возможно, что такое обилие подробностей от него требовали в доказательство того, что он усердно выполнял задачи своего образовательного путешествия. Таким образом, обычно его записи разделены на «утром» и «после обеда», могут быть даже заполнены беглыми замечаниями о том, что в каком-то месте «ремаркабл ничего нѣтъ», или что «сим утром мы никуды не выезжали» и даже «время сѣм утром с дощом». В целом может показаться, что дневник излишне изобилует повторами, однако в этом и заключается его уникальность, ведь ни один другой дневник не предоставляет такого количества сведений о повседневной жизни русского путешественника в Западной Европе.

Несмотря на то что дневник предлагает нам не вполне типичную московскую точку зрения, тем не менее он является замечательно документированным свидетельством образовательного процесса, тщательно продуманного как завершение изучения навигацкого дела, чему русские юноши посвятили первую половину своего пребывания за границей. Хотя ученики не были идеальной *tabula rasa*, их юный возраст предполагал, что впечатления от множества мест, которые они посетили, и продолжительность их пребывания в разных странах за столько лет путешествий окажут влияние на формирование их личностей. Все это предприятие, за которым внимательно следил царь,¹⁸ проводилось с исключительной последовательностью благодаря уважению к высокому положению главных действующих лиц, которые, в свою

¹⁸ Некоторые письма Александра Нарышкина к царю сохранились; см. также ответы императора с советами и предостережениями своим кузенам и князю Львову (ср., например: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1951. Т. 8, вып. 2. С. 708–709; 1956. Т. 10. С. 695; 1975. Т. 12, вып. 1. С. 378–380).